

Раздутый социальный сектор, благословляемый малоимущими, тянет все больше государственных средств, ведь страна стареет и неработающие потребляют львиную долю накоплений. Плата налог работодателя, руководитель предприятия должен подчиняться общегосударственной системе в отношениях с рабочей силой, порой столь сложных, что приходится содержать армию юристов. Только один пример: при сокращениях уволенным не только выплачиваются гигантские компенсации, но и учитывается их стаж. Тех, кто просидел на одном месте больше десяти лет, трогать не могли: они потом и верностью заслужили «продолжение банкета». Увольнять в первую очередь предписывается молодым специалистам, то есть тех, кого руководство чаще всего хотело бы сохранить. Обязательное повышение зарплат оборачивается неизменным ростом цен на выпускаемую продукцию, и инфляция набирает темпы.

«НАРОДНЫЙ ДОМ» ПОКОСИЛСЯ После мирового кризиса 70-х шведская модель с ее высокими налогами и огромным общественным сектором стала давать сбои. А кризис начала 90-х годов поставил под сомнение само существование «народного дома». Бюджетный дефицит приводил в отчаяние правительство, парламентарии начали призывать кое в чем «поступиться принципами». Здравсохранение стало частично платным (швед ежегодно должен «налечиться» на \$300, чтобы получить карточку на дальнейшие бесплатные посещения врачей, а зубоврачебные кабинеты с их высокими ценами и вовсе стали кошмаром — бесплатные дантисты осталась лишь для детей и подростков).

Масла в огонь, угрожающий «народному дому», подлила масштабная приватизация, проведенная в Швеции незадолго до наступления XXI века. «Расхватаывали» в основном то, что государство не желало больше содержать, вплоть до транспорта, жилищно-эксплуатационных контор и богаделен. Доходило до нелепостей — когда один участок дороги приватизировался гражданином Н, другой, примыкающий — господином М, а вагоны — фрекен Ю. Отдельные фирмы получали право распоряжаться питанием пассажиров, убирать купе, продавать билеты. Порой для того, чтобы получить забытую в вагоне вещь, нужно было обращаться в три-четыре разные конторы, выясняя, кто за что отвечает.

Но верхом маразма многие стокгольмцы сочли исчезновение... почты! Отправлять письма и бандероли граждане теперь должны в крупных магазинах, наскоро оборудовав-

ПЕР АЛЬБИН ХАНССОН ПОСТРОИЛ ДЛЯ ШВЕДОВ СИСТЕМУ, КОТОРУЮ РУССКИЕ НАЗВАЛИ ШВЕДСКИМ СОЦИАЛИЗМОМ

ших специальные прилавки. Отправитель или получатель должен прийти в супермаркет, отыскать среди десятков отделов возжеленный закуток, вызвать персонал (как правило, ставить специального человека «на марки» считается слишком роскошным — звякнешь, подождешь как следует, тогда свободный продавец тебя обслужит), а потом благополучно выбраться с выданной посылкой или купленными конвертами через кассу. Кстати, чтобы заплатить за марку, часто приходится постоять в той же общей очереди в кассу. А денежные переводы и в магазинах не выдают — за ними надо ехать в единственное районное бюро под названием «Почтовый кассовый сервис».

Еще одна проблема обитателей «шведского дома» — гигантские долги всех и каждого. Привычка к хорошей жизни и священное право на средний достаток заставляют людей со студенческого возраста брать займы у государства, всевозможных организаций и банков. Среднестатистический студент живет вовсе не на привычные нам «стипуху, плюс родительские „подкидные“, плюс подработку». Второй из традиционных для нас источников — родителей — в Швеции эксплуатировать неприлично, а подрабатывать не всегда возможно по причине крайне напряженных прог-

рамм, особенно мучительных после формальной отсидки в средней школе. Поэтому мученик науки получает свою порцию народного пирога по всем правилам: половину безвозмездно, а половину — с отдачей. В общем выходит около \$1 тыс. в месяц. Живут студенты неплохо, но вместе с дипломом получают извещение о том, что пора начинать выплаты, ибо долг их государству год от года растет за счет хоть небольших, но процентов. Некоторые не нашедшие солидной работы выплачивают «студенческие» вплоть до пенсии, когда остаток с них просто списывается.

«Шведский дом» сделал реальностью и главную мечту 20-х годов — о собственной крыше над головой. Получившему работу гражданину дается в долг практически вся сумма стоимости квартиры. Банки ссужают и деньги на необходимые машину-мебель-дачу. После этого ежемесячные выплаты автоматически списываются со счета должника.

Но сейчас эта идиллия оказалась под угрозой. Жилищный кризис в больших городах заставляет людей по восемьдесят лет стоять в очереди на квартиру, довольствуясь съемными апартаментами. Самый простой выход — купить собственный домик или две-три комнаты в многоэтажке — доступен лишь тем, кто имеет постоянную хорошо оп-

лачиваемую работу: только при этом условии предоставляется ссуда. Но и счастливчик, получивший в порядке очереди «казенное» жилье в районном бюро (кстати, и они теперь тоже частные), должен серьезно задуматься: а по карману ли ему долгожданные 80 метров на семью? Средняя ежемесячная плата за трехкомнатную квартиру в Стокгольме перевалила сейчас за \$850 — и это не считая платы за электричество, телевидение, телефон, отопление. При средней зарплате \$2 тыс. «чистыми», бешеных ценах на книги, продукты и транспорт (любая поездка в автобусе — \$2), а также расходах на самые невинные и тем не менее безобразно дорогие развлечения (музеи, аттракционы, кино, экскурсии) шведскую жизнь малиной не назовешь.

«НЕ РАССТАНУСЬ С СОЦИАЛИЗМОМ!»

Тем не менее Швеция в наши дни переживает новый подъем. главные ценности своей модели современные викинги умудрились сохранить. И до сих пор никто не решится проголосовать за платные операции или образование, за уменьшение пенсий или материнских льгот.

«Неизвестно, как карта ляжет, — думают даже наиболее обеспеченные граждане. — Понадобится аппарат искусственного сердца подключать или на диализ садиться — и никаких миллионов не хватит».

К тому же в «шведском доме» они имеют и то, что ни за какие деньги не купишь — гарантированные свежий воздух и чистую воду, которую не кипятят даже младенцам, сравнительно низкий уровень преступности и достойную старость. Но главное, вечно недовольные, самокритичные шведы, привыкнув, уже не замечают того, что практически всем иностранцам кажется удивительным, величайшим благом: в их стране невероятно комфортно жить. По той простой причине, что жить в ней не стыдно. В какую бы глубинку ни загнал свой «Мерседес» преуспевающий бизнесмен, везде он найдет прекрасную парковку, замечательные, абсолютно одинакового качества дороги и при этом полное отсутствие «людей из гетто» с ненавистью в завистливых очах или немой мольбой на истощенном лице. Поскольку уровень жизни примерно одинаков, не нужно, выходя из шикарного ресторана, отводить взгляд от нищих, ждущих подачки, или отчислять Христа ради деньги на детские приюты. Кстати, детских домов в Швеции нет: усыновления детей, даже тяжело больных, ждут в очередях тысячи людей. И это, пожалуй, основной критерий, по которому определяется, насколько здорово и благополучно общество. ■

ШВЕЦИЯ И ШПИОНЫ: ОТ ТОЧИЛЬЩИКОВ К ПРОФЕССОРАМ

Один из самых знаменитых шпионов XX века, швед Стиг Берлинг, считает, что порой шпионаж предотвращает крупные международные конфликты. Именно недостаток информации о стране часто приводит к необоснованной подозрительности, рождает мысли о необходимости защиты и превентивных ударов.

Эту оригинальную точку зрения военно-го разведчика разделяли и его коллеги, занимавшиеся промышленным шпионажем. Стивен Дедьер, один из пионеров коммерческой разведки, сказал как-то о Швеции: «Шведам постоянно мерещится, что экономическая и политическая стабильность их страны находится под угрозой. Это носит характер навязчивой идеи, а потому коммерческая разведка кажется им одним из способов защиты собственной безопасности. Во времена холодной войны шведы были обеспокоены советской угрозой, и специалисты по коммерческой разведке внимательно следили за Советским Союзом, чтобы при необходимости суметь дать достойный отпор.

Как ни странно, шведы считают коммерческую разведку способом достижения мира и согласия между народами. Ветеранов этой разведки сограждане почитают, включая в элиту общества...»

Правильность этого утверждения автор данной заметки может с полной уверенностью подтвердить, поскольку имел возможность лично убедиться в том, что люди, шпионившие на другие страны, то есть яв-

ляющиеся в нашем понимании предателями своей шведской родины, доживают свои дни в Стокгольме спокойно и достойно. Знаменитый Стиг Веннерстрем по кличке Орел, завербованный советской разведкой (он умер всего несколько недель назад в возрасте 99 лет), до последнего жил обеспеченно, давал интервью и выпускал воспоминания, а Стиг Берлинг и сейчас живет в комфортабельном пансионате для ветеранов, получая прекрасную пенсию и встречаясь с журналистами. Веннерстрем, кстати, тоже заявлял, что его миссия была направлена на преодоление пропасти между двумя противостоящими военными блоками — Варшавским договором и НАТО — и поспособствовала предотвращению третьей мировой войны.

Самые крупные шпионские скандалы в Швеции связаны главным образом с Россией. В исторической памяти шведов наша страна осталась как главная опасность, грозящая с востока. В шведском языке навсегда закрепилось устойчивое выражение «русский ужас». Но в начале нового века Швеция официально признала, что «военной угрозы со стороны России больше не существует», в результате чего полностью изменила свою военную доктрину, даже переориентировав на борьбу с терроризмом секретную службу СЕПО, до этого специализировавшуюся почти полностью на ловле советских шпионов. СЕПО и появилась то из-за страха перед русской разведкой.

Но и спецслужбы России возникли на рубеже XIX и XX веков во многом «благада-

ря» шведским шпионам, которых ловили у нас еще во времена Петра I. В феврале 1706 года в расположении русских войск была поймана шведская шпионка, которая должна была связаться с пленными шведскими офицерами, передать им письма от Карла XII и доставить их письма-донесения шведскому королю. В 1721 году разоблачили как шпиона шведского дипломата в России Гилболта. А ранее, в XVII веке, шведский резидент Поммеринг способствовал выезду за границу мастеров с тульского завода и «рекомендовал» русским чиновникам откровенных неучей в качестве блестящих специалистов — вот вам один из первых документально зафиксированных примеров «промышленного» шпионажа.

Разведдеятельность на территории Швеции вели и русские лазутчики. Настороженность и недоверие шведов были так велики, что накануне первой мировой войны почти каждый русский на территории Швеции воспринимался как шпион. В шведских учебниках истории вы прочтаете о загадочных русских «точильщиках». По скандинавским дорогам во множестве бродили бородатые «москали»—точильщики пил. Они исправно посылали на родину незатейливые открытки с видами мостов, городов и других «стратегических объектов», используя в качестве почтальонов заезжих соотечественников. Шведы до сих пор не смогли ответить на вопрос, были ли «точильщики» простыми безграмотными крестьянами на отхожем промысле или искусно маскировавшимися под них офицерами российской Генштаба.

В 1948 году на советскую разведку начал работать Орел — Стиг Веннерстрем. Он нанес Швеции самый большой ущерб в ее истории, за 14 лет передав нашей стране множество ценнейших данных о планах и вооружениях не только Швеции, но и США, и НАТО. Благодаря ему СССР был извещен о задачах шведского самолета-шпиона ДС-3, сбитого над Балтикой и поднятого в 2004 году со дна моря. Орел был задержан в 1963 году и выпущен из гуманной шведской тюрьмы раньше срока — в 1974 году.

Продолжателем его дела стал Стиг Берлинг, самой большой удачей которого было похищение карты расположения всех военных объектов Швеции. Как и «учитель», Берлинг отбыл положенный срок и превратился в добропорядочного стокгольмского пенсионера «с интересным прошлым». Любопытно, что ему удалось сбежать из тюрьмы и добраться до Москвы, однако позже, во многом из-за смертельной болезни жены, он возвратился на родину и сдался властям.

Если говорить о шведской разведке, то последней крупной операцией по контрабанде военных секретов из России стал вывоз электронного оборудования на борту парома «Эстония», затонувшего в 1994 году. Трудно сказать, кто был «заказчиком» и какова страна назначения, но нет сомнений в том, что Швеция принимала участие в контрабанде: согласно показаниям шведского таможенника, по крайней мере в двух случаях (за две и за одну неделю до трагедии) на борту находилась «военная электроника из бывшего Союза».

С распадом СССР военный шпионаж стал постепенно уступать место научному, политическому и экономическому. В 2002 году из Стокгольма были высланы двое российских дипломатов, заподозренных в причастности к охоте за секретами концерна «Эрикссон», а в этом году за решеткой следственного изолятора «Кроноберг» оказался российский ученый Андрей Замятнин. Вину биолога доказать не удалось — он был отпущен, но арест его характерен. СЕПО, частично оставшаяся без работы после принятия новой военной доктрины, сводящей на нет «военную угрозу с востока», учится применять свои прежние навыки для охраны научно-промышленных секретов. Учиться приходится на ошибках. Андрей Замятнин и его российские коллеги, работающие по договору в Уппсальском университете, вспоминая допросы, на которые их таскали, недоумевали: «Странно, большую часть времени шведы расспрашивали, как, собственно, ведутся научные изыскания, как происходит сбор и обмен информацией и как налаживаются контакты с коллегами. Такое впечатление, что их спецслужбы в первый раз столкнулись с научным миром и пытаются во всем разобраться». За принудительные «лекции» наших биологов Швеции, по всей видимости, придется заплатить дорого: адвокат Замятнина потребовал возмещения нанесенного репутации ученого ущерба. Что и говорить, переключаться с радарных установок на гениую инженерию непросто.

НАТАЛИЯ ГРАЧЕВА, Стокгольм